

„Царицынскому священнику“.

(Отвѣтъ на открытое письмо).

Прежде всего, по меньшей мѣрѣ странно: помѣщать въ печати открытое письмо и не открывать своего имени. Такъ именно поступилъ „царицынскій священникъ“, публикуя въ № 3 „Сарат. Епарх. Вѣд.“ открытое мнѣ письмо. Для меня лично оно—не открытое письмо, а просто анонимное письмо.

Предварительно нахожу нужнымъ оговориться, что свою замѣтку (№ 35 „Сарат. Епарх. Вѣд.“—1915 г.) по поводу корреспонденціи „царицынскаго священника“ о призрѣніи бѣженцевъ въ г. Царицынѣ (№ 31 „Сарат. Еп. Вѣд.“) я писалъ, не выходя изъ рамокъ этой корреспонденціи, и тѣ выводы, какіе я сдѣлалъ, я сдѣлалъ только на основаніи тѣхъ данныхъ, какія сообщены въ корреспонденціи.

Теперь „царицынскій священникъ“ пишетъ мнѣ, что слово „отчасти“ въ характеристикѣ дѣятельности царицынскаго духовенства на пользу бѣженцевъ употреблено имъ въ корреспонденціи „безъ злого умысла“. Охотно этому вѣрю; но съ его попытками доказать это, а мою замѣтку охарактеризовать письмомъ «прямо не братскаго характера» и рѣзкимъ выпадамъ противъ „Царицынскаго священника“—согласиться не могу.

„Я отмѣтилъ“—пишетъ „царицынскій священникъ“, обѣлая свое „отчасти“—что сначала „а именно когда только хлынула волна бѣженцевъ въ г. Царицынъ, то духовенство только отчасти принялось работать на пользу бѣженцевъ“. Именно не такъ „отмѣчалъ“ въ своей корреспонденціи „царицынскій священникъ“. Онъ писалъ: „Какъ только нахлынула волна бѣженцевъ въ г. Царицынъ, такъ мѣстное общество и отчасти духовенство взялись, не покладая рукъ, работать на пользу бѣженцевъ“, и непосредственно за симъ объяснилъ: „Открылась: Городской Комитетъ помощи бѣженцамъ, Комитетъ о бѣженцахъ Царицынскаго градекаго духовенства, Польскій Комитетъ о бѣженцахъ“ и т. п. Во-первыхъ, никакого „сначала“ въ корреспонденціи „царицынскаго священника“ нѣтъ; во-вторыхъ, онъ невѣрно себя цитируетъ, а въ третьихъ, когда писалъ мнѣ открытое письмо, онъ не потрудился справиться вообще съ тѣмъ, что писалъ въ своей корреспонденціи. Въ ней онъ, безъ всякаго „сначала“, характеризуетъ дѣятельность „мѣстнаго общества“ и царицынскаго духовенства на пользу бѣженцевъ безъ отношенія къ тому или иному моменту ихъ жизни въ Царицынѣ. Это такъ понятно.

Что же же касается до 3-хъ лицъ изъ духовенства, вошедшихъ въ первоначальный составъ Городскаго Комитета, чѣмъ хочетъ оправдать свое „отчасти“ „царицынскій священникъ“, то и самъ онъ отмѣчаетъ въ письмѣ, что сначала въ Городскомъ Комитетѣ, изъ „духовенства только 3 работали на бѣженцевъ, какъ того требовалъ моментъ“. Причемъ же тутъ „отчасти?“ Если же этимъ своему „отчасти“ по отношенію къ царицынскому духовенству „царицынскій священникъ“ пытается придать смыслъ „количественнаго понятія“, соответствующаго „истинному положенію дѣла призрѣнія бѣженцевъ въ г. Царицынѣ“, то вѣдь и изъ такъ восхваляемаго имъ „мѣстнаго общества“, особенно русской національности, далеко, весьма далеко не всѣ вошли въ составъ Городскаго Комитета, не только „сначала“, но и потомъ. Думаю, что многія отдѣльныя корпорации этого общества и совсѣмъ не имѣли своихъ представителей въ составѣ Городскаго Комитета помощи бѣженцамъ. Интересно тутъ отмѣтить вотъ что въ составѣ Городскаго Комитета: завѣдующій бюро помощи бѣженцамъ былъ полякъ, секретарь—полякъ, другіе мелкіе работники въ составѣ этой администраціи Комитета, за исключеніемъ кажется одного русскаго,—поляки. Есть любопытные, но печальные факты отношенія этой администраціи къ бѣженцамъ—

русскими. Въ моемъ районѣ расселенія бѣженцевъ былъ, напр., случай, что отъ бѣженцевъ-русскихъ (Гродненской губ.) вынужденно—страхомъ новыхъ мытарствъ переселенія—комитетскими дѣятелями изъ „непокладающихъ рукъ“ была отобрана подписка, что упомянутые бѣженцы отказываются отъ помощи. Для чего сдѣланъ былъ этотъ „ходъ“—объяснить не берусь; однако „планъ“ не удался, благодаря моему вмѣшательству. Но чего мнѣ это стоило! О благочинному, напр., телефонировали по этому поводу, что я возбуждаю бѣженцевъ къ сопротивленію. Одинъ изъ причастныхъ къ Комитету лицъ явился ко мнѣ въ храмъ за Богослуженіемъ и требовалъ, буквально требовалъ, чтобы я шелъ съ нимъ и убѣдилъ бѣженцевъ русскихъ, осѣвшихъ на частныхъ квартирахъ моего прихода, подчиниться распоряженію Комитета о выселеніи ихъ кажется въ Дубовку, „иначе къ нимъ будетъ примѣнена сила“. Кому они помѣшали на окраинѣ города?

И сила была къ нимъ примѣнена; но они перестали мѣшать, какъ только дали подписку, что отказываются отъ пособія. Слава Богу, что все окончилось благополучно: нагруженные жалкимъ скарбомъ бѣженцевъ, пригнанный Комитетомъ подводы, съ мерзавцами на нихъ въ сырую ноябрьскую погоду въ рублищъ дѣтими, съ стоящими вокругъ покорными всему,—но съ какими тоскливыми лицами!—родителями, при мнѣ же и разгрузились. Какія слезы я видѣлъ за это время на лицахъ тѣхъ, облегчить участь которыхъ былъ призванъ Городской Комитетъ!

А когда я явился въ Городской Комитетъ для выясненія характера данной бѣженцами упомянутой подписки (интересный документъ!), меня рекомендовали кому слѣдуетъ: «Это тотъ самый священникъ Руссовъ»...

Извѣстно ли Вамъ обо всемъ этомъ, «Царицынскій священникъ»?

Больше 40 семействъ хотѣлъ выселить Царицынскій Городской Комитетъ только-что устроившихся въ моемъ приходѣ бѣженцевъ, а потому путемъ подписки хотѣлъ лишить ихъ пособія. Но живутъ они и до сего времени на квартирахъ у добрыхъ моихъ прихожанъ безъ особой нужды и безъ всякихъ инфекціонныхъ заболѣваній.

А что Вы одинъ „и только одинъ“ присутствовали при встрѣчѣ «Царицынскимъ Человѣколюбивымъ Обществомъ» первой партіи бѣженцевъ, то это доказываетъ только, что и здѣсь духовенство приняло участіе въ лицѣ своего представителя, члена Общества. Или можетъ быть Вы обособляете себя отъ остального Царицынскаго духовенства? Тогда, конечно, изъ царицынскаго духовенства никто не присутствовалъ при встрѣчѣ первой партіи бѣженцевъ. Но и тутъ вины нѣтъ, ибо о первой партіи бѣженцевъ духовенство извѣщено не было. Въ дальнѣйшемъ-же, какъ сообщаете Вы сами, для этой цѣли была образована особая «встрѣчная коммисія».

Я писалъ, что въ Городской Комитетъ изъ Царицынскаго духовенства вошло около 15 человѣкъ, а „Царицынскій священникъ“ почему-то клянется въ письмѣ: „ей-ей не больше 10 человѣкъ“. Теперь я сообщаю, что во всѣхъ почти районахъ, гдѣ были разбѣжены бѣженцы русской національности, были работники изъ духовенства, и они выполнили черную работу обслѣдованія положенія бѣженцевъ на предметъ удовлетворенія пособіемъ.

А когда работа эта была окончена, имъ просто сказали, что теперь обойдутся и безъ нихъ, такъ-какъ дѣла у Комитета стало меньше. Такъ по крайней мѣрѣ сказали мнѣ. Туманныя-же писанія „царицынскаго священника“, что „силою вещей и обстоятельствъ“ Городской Комитетъ „превращенъ въ одну изъ коммиссій при Городской Управѣ“—просто наборъ словъ, нисколько дѣла не уясняющій.

Но интереснѣе всего,—какъ оправдывается «царицынскій священникъ» по поводу школъ для бѣженцевъ. Онъ пишетъ, что въ то время, о которомъ

онъ писать („сначала“) „школа“ „еще не функционировала, такъ-что о содержаніи этихъ школъ (?) и учительскаго персонала писать не приходилось....“ Многоточіе поставлено, вѣроятно, въ предчувствіи что писать объ этомъ „царицынскому священнику“ приходилось.

Вотъ его сообщеніе: Открыто 2 школы для дѣтей бѣженцевъ. Учительницами въ нихъ—платныя лица, а законоучителями: о.о. Н. Руссовъ, Строковъ и Поляковъ“. Какъ видите, очень опредѣленно приходилось писать объ школахъ «царицынскому священнику», только умолчалъ онъ, что школы и учительницъ рѣшено содержать (и содержатся) на средства духовенства.

И теперь кажется, ясно, что въ своемъ невольномъ предположеніи, что „царицынскій священникъ“ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что пишетъ—я правъ; а враждебно-ли онъ настроенъ къ царицынскому духовенству—этому моему невольному предположенію хотѣлось-бы не вѣрить.

Благовѣщенской, г. Царицына церкви священникъ А. Руссовъ.

По вопросамъ пастырской практики.

Священнику П. 3—у.

В. Какъ поступить съ военноплѣнными, которые имѣютъ желаніе говѣть и причаститься Св. Таинъ. Сама они говорятъ, что они православные, молитвы читаютъ по православному, часто посѣщаютъ храмъ, а нѣкоторые неопустительно. Среди военноплѣнныхъ есть румыны, русины. Они разобраться не могутъ въ своемъ вѣроисповѣданіи, хотя называютъ себя православными.

О. Православная церковь состоитъ изъ 16 церквей: а) 5 греческихъ—Константинопольская, Элладская, Кипрская, Александрійская и Синайская; б) 2 арабскихъ—Антіохійская и Іерусалимская; в) 7 славянскихъ—Русская, Болгарская, Сербская, Карловицкая, Босне-Герцеговинская, Буковинско-Далматская и Черногорская и г) 2 румынскихъ—*Румынская* и *Германшадтская* (въ Австріи).

Плѣнные, о которыхъ вопросъ, весьма возможно принадлежать къ послѣдней церкви и, посему, нѣтъ основаній не считать ихъ православными.

Если, затѣмъ, означенные плѣнные сами именуютъ себя не иначе, какъ православными, молитвы знаютъ православныя и неопустительно посѣщаютъ православный храмъ, то въ чемъ же ихъ наставлять и утверждать, если бы допускать ихъ къ таинствамъ нашей церкви послѣ чина присоединенія?

Необходимо испытать плѣнныхъ въ догматахъ вѣры, чтобы убѣдиться, не заражены ли они латинскими или другими какими либо ересями. Если они не заражены какими либо заблужденіями, знаютъ и исповѣдуютъ православныя догматы, то, по мнѣнію редакціи, означеннымъ плѣннымъ никакого чина присоединенія къ православной церкви предлагать не слѣдуетъ.

Кр. И. Ш—ву.

В. Сынъ мой усваталъ за себя невѣсту, которой 20 апрѣля 1916 г. исполнится 15 лѣтъ и 4 мѣсяца. можно ли будетъ мѣстному нашему духо-